

Чувашский
государственный институт
гуманитарных наук

НАУЧНЫЕ ДОКЛАДЫ

Г.А. ДЕГТЯРЁВ

ЧУВАШСКИЙ ЯЗЫК В УСЛОВИЯХ СОВРЕМЕННОГО ОБЩЕСТВА: ПРОБЛЕМЫ ВИТАЛЬНОСТИ, ВАРИАНТНОСТИ И НОРМАТИВНОСТИ

Чувашский государственный институт гуманитарных наук

Научные доклады
Выпуск 38

Г.А. Дегтярёв

**ЧУВАШСКИЙ ЯЗЫК
В УСЛОВИЯХ
СОВРЕМЕННОГО ОБЩЕСТВА:
ПРОБЛЕМЫ ВИТАЛЬНОСТИ,
ВАРИАНТНОСТИ
И НОРМАТИВНОСТИ**

Доклад на научной сессии
Чувашского государственного института
гуманитарных наук по итогам работы за 2023 год

Чебоксары — 2024

УДК 811.512.111
ББК 81.2=635.1
Д 26

Научный редактор **Г.А. Николаев**

Рецензенты:

М.Т. Ипакова, кандидат филологических наук,
ведущий научный сотрудник направления «Лингвистика»
Марийского научно-исследовательского института языка,
литературы и истории им. В.М. Васильева,

Е.М. Напольнова, доктор филологических наук,
старший преподаватель кафедры тюркской филологии
Института стран Азии и Африки Московского
государственного университета им. М.В. Ломоносова,

О.Р. Студенцов, кандидат филологических наук,
старший научный сотрудник филологического
направления Чувашского государственного
института гуманитарных наук.

Дегтярёв, Г.А.

Д 26 **Чувашский язык в условиях современного общества:
проблемы витальности, вариантности и нормативности /**
Г.А. Дегтярёв; науч. ред. Г.А. Николаев. — Чебоксары,
2024. — 48 с. — (Научные доклады / ЧГИГН; вып. 38).

Цель научного доклада — анализ современного состояния чувашского языка, его терминологических и номенклатурных систем, а также привлечение внимания общественности и специалистов к проблеме избыточной вариантности.

УДК 811.512.111
ББК 81.2=635.1

© Дегтярёв Г.А., 2024
© Чувашский государственный институт
гуманитарных наук, 2024

ВВЕДЕНИЕ

Как и в обществе, в языке бывают периоды замедленного прогресса или даже застоя, упадка и периоды подъема, интенсивной эволюции. Живет и развивается язык по своим внутренним законам, но многое в его системе зависит и от окружающей культурной среды. Социальные факторы могут по-разному влиять на имманентную логику саморазвития: стимулировать совершенствование языка, ускорять темпы изменений или, наоборот, задерживать прогресс, тормозить проявление определенных спонтанных тенденций.

Языковую ситуацию наряду с объективными факторами (демографическими, социально-экономическими, культурно-историческими условиями языкового существования социума) определяют субъективные — уровень национально-языкового самосознания, ценностные ориентации народа, его привязанность к родному языку. Демократизация общественно-политической жизни, принятие Закона ЧР «О языках в Чувашской Республике» и другие социальные факторы в начале 1990-х гг. способствовали поиску рациональных форм организации языковой действительности, расширению сферы применения чувашского языка, развитию его продуктивных способностей и внутренних резервов.

Однако массовые и хаотичные инновации со временем создали ономаσιологическую избыточность, резко увеличили вариативность в чувашском литературном языке. Многие варианты не несут ни функциональной, ни информационной нагрузки, т. е. не соответствуют коммуникационным потребностям и нарушают стилистическую систему языка.

Цель научного доклада — анализ современного состояния чувашского языка, его терминологических и номенклатурных систем, привлечение внимания специалистов и общественности к проблеме избыточной вариантности. Их комплексное изучение может стать основой научной нормализации литературной

речи и кодификации нормы (в современных условиях она должна быть не императивной, а диспозитивной).

О коммуникативных возможностях и витальном потенциале современного языка можно судить по тому, в какой мере он описан в лексикографических трудах, интегрирован в информационно-коммуникационные технологии, вовлечен в терминологические системы различных отраслей знаний¹. Наши усилия должны быть направлены на то, чтобы национальный язык был достойно представлен не только в сфере социально-гуманитарных наук, но и в естественно-научной культуре². Необходимо проанализировать, осмыслить проделанную до сих пор работу и наметить перспективы совершенствования подъязыка науки и образования: унификации специальной лексики, формирования терминологических микро- и макросистем, улучшения функционально-стилевых параметров учебной и научно-популярной литературы.

К основным видам деятельности современного общества относятся производство, распределение и представление информации. В этих условиях благополучие языка во многом зависит от того, как он обеспечен возможностями цифровой поддержки, насколько широко представлен в виртуальном пространстве — социальных медиа (в службах сетевого общения) и современных системах коммуникации (в блогах, чатах, на форумах и т. д.). Чтобы чувашский язык соответствовал нынешним реалиям, национально-языковая политика должна быть нацелена на разработку электронных ресурсов (словарей, справочников, онлайн-грамматик и т. д.) и создание в Глобальной сети соответствующей культурно-образовательной среды.

I. ДИСКУРС МАССМЕДИА И ЕГО ВЛИЯНИЕ НА ЯЗЫКОВУЮ СИСТЕМУ В ПОСТСОВЕТСКУЮ ЭПОХУ

Особой чуткостью к социальной динамике обладает массмедийный дискурс, внешние изменения прежде всего отражаются в языке средств массовой информации. В советский период здесь господствовало стремление к однообразию, и стилистической доминантой был официально-деловой стиль. По радио и телевидению обычно звучала заранее подготовленная и отредак-

тированная (правильная и грамотная!) речь с шаблонными оборотами и общими формулировками. В начале 90-х гг. прошлого века произошел переход от ритуальных текстов с готовыми фразами к живому общению с читателем, зрителем и слушателем. Поскольку носителей чувашского языка, хорошо владеющих литературными нормами и стилями, было немного, разговорные, диалектно-бытовые формы речи активно включились в сферу функций литературного языка. Не только устная, но и письменная речь массовой коммуникации начала тяготеть к разговорности. Это было одним из факторов, приведших к снижению литературных норм.

В настоящее время практически нет ограничений и регламентаций использования в языке СМИ и диалектной лексики. Диалектизмы, которые в недавнем прошлом безапелляционно осуждались, находят в нем свободное применение.

Для газетного языка советского времени были характерны заголовки, представляющие собой побудительные предложения, конструкции с деепричастием на *-ca(-ce)* и сочетания с глаголом долженствовательного наклонения. В начале 1990-х гг. вдруг обрели популярность заголовки в форме вопросительного предложения, которые в предыдущие десятилетия были большой редкостью. Появились заголовки с оригинальными формой и содержанием. Однако уже в начале 2000-х гг., когда республиканские массмедиа оказались менее свободны в выборе объекта критики, заголовки в виде шаблонных оборотов снова стали доминирующими.

Изменение официального отношения властей к церкви и религии оживило переиздание религиозной литературы на чувашском языке и использование ее в культовых целях. С тех пор, как газеты слово *Турă* «Бог» стали писать с прописной буквы, началось восстановление в правах конфессиональной лексики. Стало привычным употребление слов и выражений, тематически связанных с церковью, христианским вероучением, бытовым вариантом православия и дохристианской религией чувашей. Некоторые журналисты, использующие конфессиональную лексику, напоминают героиню одного из чеховских рассказов, которая со сладким замирием сердца произносит «святые слова», но многого не понимает. Если употреблять слова, имея лишь смутное представление об их значении, и благообразное легко можно превратить в безобразное:

Евдоким кунё (букв. «день Евдокима») вместо *Алтакки кунё* «день Евдокии (Илиопольской)»;

Ильин кунё (букв. «день Ильина») вместо *Илен кунё* «Ильин день (день пророка Илии)»;

Ноев каранё (букв. «ковчег Ноева») вместо *Ной каранё* («Ноев ковчег»).

Долгие годы жесткие директивные регламентации мешали проявлению потенциальных возможностей языка, творческого отношения к нему. Об атмосфере тех времен напоминают проникнутые болью слова рано ушедшего из жизни замечательного чувашского писателя Юрия Скворцова: «Установившийся литературный язык (во многом неправильный) считается законом. Внес новое слово — значит, не подчинился литературному языку. Если найдут одно неосторожно написанное слово, то сразу же это раздуют до такой степени, что начнут автора глушить на собраниях, преградят путь к печати. Из-за одного неудобного слова погубят произведение и автора»³.

В советское время словесный репертуар, обслуживающий сферу политики и экономики, отражал противостояние двух политических систем. В 90-х гг. прошлого века — в соответствии с изменившимся содержанием жизни — многие имена, обозначающие реалии капиталистического (индустриального) общества, стали функциональными неологизмами, начали употребляться применительно к нашему государству и республике. Значительная часть заимствованной и калькированной лексики, отражающей моноидеологическую систему, советский образ жизни, потеряла актуальность и перешла в пассивный фонд словаря.

Переход от полного отрицания ценностей западного мира, по существу, к копированию англо-американского образа жизни резко усилил приток англицизмов и в чувашский лексикон. Заимствование собственно русских обозначений, особенно производных и сложных лексем, в постсоветский период заметно уменьшилось — усилилась тенденция к переложению структуры и смысла русского слова на чувашский язык.

Часть неологизмов 1990-х гг. была тематически созвучна запросам дня, отражала актуальные явления той действительности: *акциле* «акционировать», *приватизациле* «приватизировать», *презентациле* «проводить презентацию», *пусарулаьх* «предприни-

мательство» (семантический неологизм, букв. «инициативность»), *патшалăхлăх* «государственность», *рекламçă* «рекламодатель», *налуçăсем* «налоговые органы» и т. п. Появление другой части новообразований не было связано с потребностью выразить в языке новое содержание, они в основном заменяли привычные слова, пришедшие в свое время из русского языка: *ёҫтешилĕх* «предприятие», *курав* «выставка», *йыш* «состав», *кăтартмăш* «указатель», *йĕркеленĕ* «организация» и др.

Заметно пополнилась новым содержанием группа лексем, обозначающих людей по профессиональной принадлежности и роду занятий: *ўнерçĕ* «художник», *ўнер пĕлÿци* «искусствовед», *ўкерÿçĕ* «художник-график», *сăнўкерÿçĕ* «фотограф», «портретист», *сăрăçă* «живописец», *йĕркелÿçĕ* «организатор», *пулăшÿçă* «помощник», *канащă* «советник», *шепÿтçă* «скульптор», *ўкĕтлевçĕ* «проповедник» и др. Вновь стал продуктивным словообразовательный аффикс *-таш/-теш*: *йăхташ* «соплеменник», *ёҫтеш* «коллега», «сотрудник», *пайташ* «член», *çĕршывташ* «соотечественник», *курсташ* «однокурсник», *ялташ* «односельчанин».

Разумеется, не всякое новшество заслуживает одобрения и нормативного признания: наряду с перспективными новациями появлялись неуклюжие дериваты, противоречащие закономерностям чувашского языка — созданные с отступлением от лексических норм или не укладывающиеся в рамки конкретной словообразовательной модели (ср.: *сăркăç* «художник», *таврапĕлĕмçĕ* «красвед», *тўрлеткĕч* «редактор», *пĕлевçĕ* «знаток», *ёҫтеç* «работник» и др.). До сих пор приходится сталкиваться не только с незнанием структурных и семантических особенностей родного языка, но и с отсутствием «чувства соразмерности и сообразности», языковым манерничеством. Журналисты нередко составляют без внимания и различия в членении лексико-семантических полей в наших языках.

С одной стороны, мы, естественно, должны уважать и беречь языковые традиции, с другой — не должны допускать и огульного, не основанного на объективных критериях осуждения необычных, непривычных речевых новшеств. Как верно подмечено К.С. Горбачевичем, «очень многие новообразования вызвали сначала оборонительную реакцию — гневно осуждались и запрещались. Но предание их анафеме часто оказывалось нера-

зумным и тщетным. Как впоследствии выяснялось, они играли благотворительную для языка роль и постепенно занимали в нем приличествующее им место»⁴.

Существует непосредственная связь между темпом жизни и нашим языком. Когда в республиканском эфире впервые прозвучали приветствия *Брă кун, Чăваш Ен!* («Добрый день, Чувашия!»), *Брă каç, ял ёçченĕ!* («Добрый вечер, труженики села!»), ставшие названиями радиопередач, некоторые языковеды усмотрели в них лишь пагубное влияние норм русского словоупотребления и предложили придерживаться канонизированных чувашских формул *Брă кун пултăр!* (букв. «Пусть добрым будет день!») и *Брă каç пултăр* (букв. «Пусть вечер будет добрым!»)⁵. Однако для непринужденной речи современных людей (особенно молодых) все более характерными становятся модернизированные — сжатые — выражения этикета. Кроме упомянутых *Брă кун!* «Добрый день» и *Брă каç!* «Добрый вечер», активно бытуют следующие:

Телейлĕ çул! «Счастливого пути!» (наряду с традиционным *Телейлĕ çул пултăр!* (букв. «Да будет счастливым путь!»);

Уяв саламĕ! или *Уяв ячĕне!* «С праздником!» (вместо *Уяв ячĕне саламлăтăн!* «Поздравляю с праздником!»);

Чипер! «Счастливо!» (вместо *Чипер çитĕр!* или *Чипер кайăр!* «Счастливо вам доехать!»).

В конденсации формул приветствия и языковых клише этикета проявляется и ситуативно обусловленное явление — заметное приближение к национальной норме в ситуациях официального общения и отдаление от нее в живой бытовой речи.

Закон экономии усилий традиционно считается основным законом языкового развития. Как заметил в свое время Е.Д. Поливанов, все нормальные изменения в языке в сущности сводятся к упрощениям⁶. Стремление к лаконизму особенно характерно для устной речи, дающей носителю языка больше «льгот», чем письменная. Быстротекущая социальная жизнь, возрастание влияния разговорной речи на массмедийный дискурс (а последнего — на стилистическую систему литературного языка) заметно усилили в наше время тенденцию к экономии и в сфере организованного общения. Присущий разговорной речи и газетному языку бессоюзный способ оформления сложного предложения (паратаксис) все больше теснит союзную связь. Рацио-

нальные и экономичные способы обозначения вытесняют более громоздкие. К примеру, тяжеловесные обороты с сочетанием *ячĕпе хисепленекен* (букв. «носящие имя»): *И.Н. Ульянов ячĕпе хисепленекен университет, Яков Ухсай ячĕпе хисепленекен Культура керменĕ* — уступили место более лаконичным *И.Н. Ульянов ячĕллĕ университет* «университет имени И.Н. Ульянова», *Яков Ухсай керменĕ* «дворец Якова Ухсая». Привычными стали «сжатые» синтаксические сочетания с числовой символикой, возникшие под влиянием русского языка: *вырма-2020* «жатва-2020», *суйлав-2024* «выборы-2024» и т. д.

Еще одним свидетельством усиления тенденции к лаконизму, синтаксическому сгущению речи и (вместе с тем) проявления чувашско-русского билингвизма явилась заметная активизация сложносокращенных слов. Общественная оценка их весьма противоречива: некоторые считают аббревиатуры языковым бедствием, уродующим нашу речь продуктом новояза, другие относятся к ним вполне лояльно и объясняют аббревиацию стремлением языка к экономным средствам выражения понятий.

В противовес общей тенденции к упрощению коммуникативных средств существуют явления, ведущие к избыточности в языке. В связи с этим следует еще раз вспомнить роль активного чувашско-русского двуязычия. Его влияние на наш язык нельзя оценить однозначно: оно может быть как фактором обогащения (способствует расширению семантики чувашского слова, появлению новых структурных типов словосочетаний), так и обеднения (способствует засорению языка необоснованными заимствованиями, игнорированию его структурных возможностей). Нередко из-за плохого знания грамматического инвентаря родного языка предложение строится по чужеродным схемам, из потенциальных возможностей передачи нужного смысла выбирается не лучший вариант, а тот, который наиболее близок к грамматической системе русского языка. Например, злоупотребление предлогом «по» в русском языке — широкое использование его в различных именных конструкциях: *комиссия по ...*, *переговоры по ...*, *работы по ...*, *совещание по ...*, *соревнование по ...* — обернулось еще большим бедствием для чувашского языка, появилась масса неуклюжих сочетаний типа ... *хатĕрлес тĕлĕшне ёслекен комисси* (букв. «комиссия, работающая по поводу ...»),

... *енёне ирттерекен аймартусем* (букв. «соревнования, проводимые по виду ...») и т. п.

Как известно, язык выступает как социальная сила, как средство навязывания взглядов, поэтому «во времена резких идеологических сдвигов сознательный разрыв с определенной традицией “требовал” хотя бы частичного отказа от соответствующего языка. В этом причина массовых лексических замен (в том числе даже таких идеологически нейтральных слов, как, например, названия месяцев), осуществленных в годы наиболее “круглых” в мировой истории революций»⁷. Реформа языка способствует реформе общества. «Однако, — как предупреждает автор труда “Язык как инструмент социальной власти”, — здесь возникает трудная проблема равновесия. С одной стороны, если принимать существующее использование языка, “попадаешь в ловушку” и получаешь в придачу существующую социальную систему. С другой стороны, создание слишком большого числа новых слов и понятий препятствует коммуникации и затрудняет соблюдение социального контакта»⁸. Когда период стабильного состояния общественной системы сменился периодом коренных преобразований, период относительной стандартизации языковой системы уступил место периоду массовых и хаотичных инноваций, резко увеличивших вариативность языка, ср.:

Аслй Отчественнай вйрсы, Таван сёршыван Аслй вйрси (Таван сёршыван аслй вйрси), Аслй Аттелёх вйрси, Чалтан вйрси «Великая Отечественная война»;

Федеральной Пуху, Федераллй пуху (Федераллй Пуху), Федераци пухавё (Федераци Пухавё) «Федеральное собрание»;

акционер обществи, акционерсен пёрлешёвё, акционерсен пёрлэхё «акционерное общество»;

музыкант, музыксы, мусаксы, ваййсы, кёвёсё, кёвё калакан «музыкант»;

площадь, лапй, лапам, тўрем «площадь»;

предпринимательство, предпринимательлэх (предпринимателлэх), пусарулаьх, пикенўлэх «предпринимательство» и т. п.

Такое изобилие всевозможных ономазиологических вариантов (слов, форм, конструкций) свидетельствует о том, что прежняя норма уже не отвечает современным тенденциям в употреблении языка, а новая еще не сложилась. Расширение вариантности является не только показателем происходящих в языке про-

цессов, но и отражением социальных и психологических особенностей нашего времени: возможности для проявления личностного начала в речевой интерпретации действительности, гетерогенности общества, стремления возродить культурно-языковое наследие народа и т. д.

Возникли противоречия между кодифицированной орфографией и новыми правописными тенденциями. К примеру, действующее правило «заимствования на *-сть, -сь, -зь* в начальной форме пишется по-русски»⁹ не соответствует утвердившейся тенденции фонетического оформления ауслота (исхода слова). В большинстве случаев конечные *-сть, -сь* и в начальной форме преобразуются пишущими в *-с*: *вла́с, должно́с, изве́с, крепо́с (крепта́с), обла́с, пове́с, Ру́с* и т. д.

Постепенный возврат в массмедиа к практике 20-х гг. XX в. в написании русских заимствований, прошедших стадию освоения на фонетическом уровне, еще более усилил противоречия между кодифицированной и узуальной нормами языка: *саккун* и *закон*, *арёсле* и *арестле* «арестовать», *вакун* и *вагон*, *ма́стър* и *мастер*, *пуйа́с* и *поезд*, *салук* и *залог*, *шай́ккалат* и *шоколад* и т. д. В конце 1930-х гг. во время активной борьбы с национализмом многие из них были сознательно вытеснены из чувашского литературного языка.

По сравнению с морфологическими и синтаксическими нормами или нормами словоупотребления орфографические нормы (как и орфоэпические) довольно просты и с точки зрения коммуникативной сущности языка не представляют большой ценности. Однако под влиянием устаревших традиций школьного образования правописание воспринимается как наиболее существенная языковая сфера, и проекты подновления орфографии, в силу той же психологической оснастки, рассматриваются как «покушение» на весь язык (поэтому попытки усовершенствования как русского, так и чувашского правописаний, предпринятые в 1960-х гг., завершились неудачей). В начале 1990-х гг. (как бы в унисон социальным преобразованиям) без лингвистических предпосылок (общедоступного свода новых правил и орфографического словаря) и психологической подготовки носителей языка произвели реформирование кодифицированных норм орфографии. Уже после утверждения и введения новых правил разгорелась ожесточенная полемика на стра-

нищах газет и журналов, на съезде Чувашского национального конгресса и заседаниях Верховного Совета республики.

Нормализаторские устремления реформаторов орфографии в целом не получили общественного одобрения, особенно критиковались неудобочитаемые и трудно осмысляемые новации типа *ар сурри* вместо традиционного *арсури* «леший», *ик сёр вун пёр пин* вм. *иксёр вунпёр пин* «211 тысяч», *кай ура* вм. *каюра* «крот», *сёр-шыв* вм. *сёршыв* «страна», *юн кун* вм. *юнкун* «среда», *шыв тӓк* вм. *шыв-тӓк* «если [это] вода...» и т. д. Благое стремление к упрощению орфографии, снятию частных исключений в правилах слитного и раздельного написаний слов путем максимального использования принципа раздельного письма (причем на начальном этапе применения новых правил разрешалось альтернативное написание большого количества слов) и разрушение сложившихся традиций обернулись орфографической войной и «языковой смутой» (получилось почти как у Гоголя: «все у вас теперь расплылось и расшнуровалось»). Отсутствие совместной готовности перейти к максимально раздельному написанию лексических единиц, неупорядоченность орфографии породили сепаратистские тенденции в правописании — у каждой чувашской газеты наметились свои модификации правил. Даже название республики «Чувашия» до сих пор встречается в разных написаниях: *Чӓвашьен*, *Чӓваши ен*, *Чӓваши Ен*. Орфографический разнобой, отсутствие единообразия в правописании не соответствуют ни планам разумного устройства языка, ни целям либерализации кодифицированной нормы.

Хотим мы того или нет, утверждению позиций национального языка всегда сопутствует нетерпимость к «языковому чуждебесию», определенная неприязнь к лексическим инородцам. Однако все усилия «поборников чистоты и самобытности» будут напрасны, если их устремления не отвечают определенным внутренним тенденциям развития самого языка. Возрождение незаслуженно забытых чувашских слов за счет некоторого сокращения в литературном употреблении русских заимствований прежних десятилетий остается в настоящее время одним из направлений развития лексики, ср.: *хастар* вместо *активист*, *ача пӓхакан* вм. *воспитательница*, *тӓп врач* — *главврач*, *хӓна килӓ* (*хӓна сурчӓ*) — *гостиница*, *пайташ* — *член*, *патшалӓх ёсченӓ* — *государство деятелӓ*, *пуслӓх* — *заведующи*, *сум* — *за-*

меститель, пёлтерни — заявлени («официальное сообщение»), *евит (ыйту) — заявлени* («письменная просьба»), *аш арманё — мясорубка, ёслевсё (ёсчен) — работник, ертўсё — руководитель, хёсмет — служба, тён стадион — центральной стадион, тён хула (шёкёр хула) — столица* и т. д. Это пока не планирование языкового развития, т. е. не сознательное вытеснение русизмов (как было, например, с арабо-персидскими заимствованиями в турецком языке), а проявление внутренних потенциальных возможностей чувашского языка, раскрывшихся в свое время под влиянием благоприятных социальных факторов. Ведь в любом языке при естественном его развитии, по словам выдающегося лингвиста Бодуэна де Куртенэ, «постепенно устраняется, постепенно отбрасывается все неясное, неопределенное, ненужное»¹⁰.

II. ЮРИДИЧЕСКАЯ ТЕРМИНОЛОГИЯ

С ростом правосознания и правовой культуры общества основные юридические термины переходят в обыденную речь, становятся коммуникативно важной лексикой. Однако в чувашском языке еще не сформировалась общепринятая система обозначения правовых понятий, поэтому в речи доминируют иноязычные термины. Для замены некоторых из них язык-реципиент располагает целым рядом синонимов, но ни один из них в настоящее время пока невозможно причислить к устоявшимся наименованиям, общепринятым терминам.

Существенным вкладом в нормализацию чувашской лексики правовой науки и законодательной практики явилось издание «Русско-чувашского словаря юридических терминов»¹¹, подготовленного известным чувашским лексикографом, доктором филологических наук М.И. Скворцовым в соавторстве с Д.Ф. Семеновым, имеющим большой опыт работы в печати и парламенте, участвовавшим в переводе на чувашский язык законодательных актов и официальных документов.

Указанный словарь — плод многолетней творческой деятельности двух авторов по выявлению, систематизации, переводу и частичному толкованию юридических терминов. Он стал настольной справочной книгой не только для юристов и журналистов, но и для широкого круга читателей, испытывающих интерес к

правовым знаниям. Этому в данном случае благоприятствует научная объективность и доступный язык изложения материала, учитывающий лингвистическую и юридическую компетенцию предполагаемых пользователей.

В словаре представлено более 9 тыс. терминов, которыми оперирует современная юриспруденция.

Через десять лет данный лексикографический труд с некоторыми изменениями переиздан под названием «Русско-чувашский словарь правовых знаний»¹². В нем с учетом новелл в правовом регулировании и других факторов некоторые словарные статьи представлены в обновленной редакции. К примеру, вместо *криминалистика* (!) *милицийё* «криминальная милиция» появилось сочетание *криминал полицийё* «криминальная полиция», вместо *милици патрулё* «милицейский патруль» — *полици патрулё* «полицейский патруль». Добавлены в реестр выражения *аморальный поступок*, *баллотировочный бюллетень*, *банковская лицензия*, *банковская ссуда*, *полицейский участок* и т. д., а отдельные малоактуальные термины и понятия типа *абонентский почтовый шкаф*, *авалист*, *банковская тратта* и т. п., наоборот, исключены из него. Некоторые из ожидаемых терминов (*довод*, *праворазъяснительная работа*, *электронное средство платежа* или *электронные денежные средства*, *ювенальное право* или *ювенальная юстиция*) не представлены и в новом издании. В приложении к словарю даны двуязычные списки основных органов государственной власти, федеральных округов с входящими в их состав субъектами, а также государственных наград и почетных званий Российской Федерации и Чувашской Республики.

Авторы анализируемых словарей в чувашскую часть нередко включают варианты обозначения, в том числе термины собственного сочинения (индивидуально-авторские наименования, образованные по устоявшимся структурно-семантическим моделям):

аболиция — *аболици*, *пйрахйҫлав*; *пйрахйҫлани*

авальный кредит — *авальё кредит*, *аваль кивҫенё*, *аваль кредичё*

авалист — *авалист*, *авальҫа*, *аваль тйвакан*

авизование — *авизйҫлав*; *авизйҫлани*, *авизо туни*

аннулирование (аннуляция) — *аннуляци*, *пйрахйҫлав*; *пйрахйҫлани*, *пйрахйҫ туни* и т. д.

На этапе становления терминосистемы такого рода формальную избыточность средств реализации понятий следует признать нормальной и оправданной. Нормативная оценка, осознанное упорядочивание терминологических единиц должны опираться не на субъективное восприятие, а на результаты естественного отбора.

Наряду с несомненными достоинствами рассматриваемые словари не лишены и некоторых недостатков. По просьбе авторов в свое время мы ознакомились с рукописями словарей и высказали свои замечания, пожелания. Большая часть из них была учтена, о чем отмечено в предисловиях обоих изданий¹³. Вместе с тем некоторые проблемы остались нерешенными. К примеру, в обоих изданиях наблюдается непоследовательность в использовании целого ряда терминов; ср.:

свидетельство о бракосочетании — *мэйшърланни синчен пань свидетельство*; свидетельство о рождении — *суралнине ёнентере-кен хут*;

административная ответственность — *административлэ яваплэх*; привлечение к административной ответственности — *администрациллэ явап тыттарни*;

неосторожность — *асърханусърлэх*; преступная неосторожность — *синкерлэ асърхмаслэх*;

Федеральное собрание Российской Федерации — *Раçсей Федерацийён Федераллэ пухавё*; член Совета Федерации Федерального собрания Российской Федерации — *Раçсей Федерацийён Федераци пухавён Федераци Канаиён членё* и т. п.

Некоторые названия понятий, имеющие аутентичные чувашские эквиваленты, оставлены авторами словаря без перевода:

даннайсен банкё «банк данных» (более корректно: *пелёмлэх банк* или *пелёмлэх пухмачё*);

взяточник, взятка илекен «взятокополучатель, взяточник» (*сёревсё, сёрев илекен*);

груз илекен «грузополучатель» (*тиев илекен* или *сърк илекен*);

задаток «задаток» (*сататкă*);

залог «залог» (*салук*);

инвалидлэх группы «группа инвалидности» (*инвалидлэх ушкăнё* или *сусърлэх ушкăнё*);

перепись «перепись» (*сырав*);

посол «посол» (*элчё*);

чиновник «чиновник» (*тўре*);
кил-йыш членёсем, семье членёсем «члены семьи» (*семье пай-ташёсем* или *кил йышё*) и т. д.

Встречаются в данных словарях также примеры буквального перевода русских терминов и толкований, не учитывающего норм и узуса чувашского языка:

автостоянка — *автостоянка, автотӑрав (автомашинӑсем тӑратма уйӑрнӑ вырӑн)*; правильным было бы следующее объяснение: *автомашина лартма уйӑрнӑ вырӑн* (в соответствии с чувашским восприятием мира и машина, и дом, и дерево не стоят, а «сидят»; ср.: *машинӑна гаража ларт* «поставь машину в гараж», букв. «посади машину в гараж»); соответственно «автостоянка» по-чувашски может быть *автолартӑм* или *автоларту*, но отнюдь не *автотӑрав*;

документы на предъявителя — *кам тӑратакана панӑ документсем (хушамата, ята кӑтартманни)*; более корректный термин: *кӑтартакана тивӑслӑ документсем*;

поставка на экспорт — *экспорта тӑратни (тавар)*; поставка товаров — *тавар тӑратни*; более корректно: *экспорта (тавар) яни* и *тавар кўни*;

постановка на учет — *учета тӑратни*; более корректно: *учета илни* или *шута илни*;

свидетельство о регистрации юридического лица — *юриме-чески сӑпата регистрацилене синчен свидетельство*; корректнее термин: *юриме сӑпатне шута илнин хучӑ* и т. д.

Как в «Русско-чувашском словаре юридических терминов», так и в «Русско-чувашском словаре правовых знаний» наблюдается определенная функциональная асимметрия, нежелательная многозначность. К примеру, чувашский термин *сирӗлетни* использован не только в значении «доказательство», но и как «аргументация» (во втором случае должно быть *сӑлтавлани*). Также совершенно разные понятия «погашение судимости» и «снятие судимости» переведены на чувашский язык одним и тем же терминологическим сочетанием *суд айӑплавне пӑрахӑслани* и т. п.

Имеет место злоупотребление отдельными чувашскими лексемами, неиспользование возможности замены их близкими по смыслу словами. К примеру, субстантив *пӑрахӑслав* и субстантивная форма *пӑрахӑслани*, образованные от глагола *пӑрахӑсла*

«отменять, аннулировать, упразднить», применяются для обозначения следующих понятий:

аболиция — *аболици, п̄рахӑслав; п̄рахӑслани*

аннулирование (аннуляция) — *аннуляци, п̄рахӑслав; п̄рахӑслани*

закрытие кредита — *кредита п̄рахӑслани, кредита чарса лартни*

расторжение договора — *договора п̄рахӑслани*

кассация выборов — *суйлава п̄рахӑслани*

ликвидация — *п̄рахӑслав, хупу, п̄рахӑслани, хупни*

нуллификация — *п̄рахӑслав; п̄рахӑслани*

отмена дарения — *парнелев хутне п̄рахӑслани*

погашение судимости — *суд айӑплавне п̄рахӑслани*

прекращение права собственности — *харпӑрӑх правине п̄рахӑслани*

расторжение договора (соглашения) — *килӑшӑе п̄рахӑслани*

ревокация — *хушӑва п̄рахӑслани*

сложение депутатом своих полномочий — *депутат хӑйӑн полномочийӑсене п̄рахӑслани*

снятие судимости — *суд айӑплавне п̄рахӑслани*

списание долгов — *парӑмсене п̄рахӑслани*

упразднение — *п̄рахӑслав; п̄рахӑслани*

Такая недифференцированность значений, разумеется, не способствует нормализации употребления чувашской юридической терминологии, формированию сбалансированной и устойчивой ономаσιологической системы, гармонично соответствующей логико-понятийной системе. В зависимости от семантических особенностей того или иного русского термина чувашские лексемы *п̄рахӑслани* и *п̄рахӑслав*, на наш взгляд, можно было заменить аналогичными образованиями от глаголов *катерт, сир, тат, п̄тер, хӑп, вӑсле* и глагольных сочетаний *чарса ларт, тӑп ту* и т. п.

Несмотря на указанные замечания, «Русско-чувашский словарь юридических терминов» и «Русско-чувашский словарь правовых знаний» являются авторитетными отраслевыми справочниками, надежными источниками информации о русских и чувашских терминах, применяемых в сфере юриспруденции. Они служат образцом и основой при разработке других типов специализированных словарей чувашского языка.

III. ТЕРМИНОЛОГИЯ МУЗЫКАЛЬНОГО И ХОРЕОГРАФИЧЕСКОГО ИСКУССТВА

Потребность в нормализации терминологии особо остро ощущается при переводе узкоспециальных исследований на чувашский язык. В 90-х гг. прошлого века заведующий отделом искусств Научно-исследовательского института языка, литературы, истории и экономики при Совете министров Чувашской АССР (ныне Чувашский государственный институт гуманитарных наук) А.А. Трофимов задумал подготовить сборник исследований по проблемам искусствознания на чувашском языке под названием «Халӑх эткерӗ: упраса аталантарас ыйтусем» («Народное наследие: вопросы сохранения и развития»). Ознакомив меня с рукописями статей Юрия Васильева, Михаила Кондратьева, Владимира Милютина, Ильи Сакмарова и других известных деятелей культуры и искусства, предложил перевести их на чувашский язык.

Работа М.Г. Кондратьева о музыкальных особенностях чувашской песни, главным образом теоретико-аналитического характера, включала большое количество специальной лексики и была особенно трудной для перевода. Естественно, возник вопрос: как это адекватно и более или менее системно передать по-чувашски? К примеру, каким образом перевести музыкальные термины, образованные от глагола *петь* и отличающиеся лишь приставкой: *запев, напев, припев, распев, перепев* и т. п. (как известно, в чувашском языке нет префиксов, кроме *ни-* и *та-* в местоимениях).

Чувашская музыкальная терминология, в отличие от общественно политической, сельскохозяйственной, медицинской, технической и т. п., не отражена в специальных словарях. А русско-чувашские и чувашско-русские словари общего типа, даже большого формата, в данном деле не могли оказывать существенную помощь, так как большинство музыкальных терминов в них отсутствовало, а имеющиеся не отличались четкой дифференциацией, переводились однообразно. Ср.:

лад (тональность) — *кӗвӗ, сёмӗ, йӗрке*
мелодия — *кӗвӗ, мелоди*
мотив — *кӗвӗ*
напев — *кӗвӗ, сёмӗ*¹⁴;

мелодия — *кĕвĕ*, *семĕ*

мотив — *кĕвĕ*

напев — *кĕвĕ*, *семĕ*¹⁵;

кĕвĕ — мотив, мелодия, напев; *перен.*: лад, гармония; ритм

семĕ — мелодия, напев, мотив; ритм, такт, лад¹⁶;

кĕвĕ — мотив, мелодия, напев

семĕ — мотив, мелодия, гармония, строй, лад¹⁷.

Еще больший разнобой в номинации понятий музыкальной сферы наблюдался в средствах массовой информации. В частности, в значении «духовой оркестр» журналисты издательского дома «Хыпар» использовали следующие варианты: *вĕркĕчлĕ инструментсен оркестрĕ*, *вĕрсе калакан инструментсен оркестрĕ*, *вĕрсе каламалли инструментсен оркестрĕ*, *вĕрсе каламалли оркестр*. Допускались грубые ошибки и в применении традиционных обозначений. Например, исконные выражения типа *купăс кала* «играть на гармонии (без указания объекта)» и *купăсна кала* («играть на гармонии что-то», букв. «сказать гармонию») нередко бездумно заменялись выражениями, образованными путем механического копирования русской конструкции с глаголом «играть» и предлогом «на»: *купăсна выля*, или *купăс çинче кала*, или даже *купăс çинче выля* (букв. «играть на поверхности гармонии»).

В поисках необходимых терминов пришлось изучить имеющуюся музыкальную литературу на чувашском языке: статьи, брошюры, учебные пособия. Выяснилось, что издания данного профиля, увидевшие свет после 30-х гг. прошлого века, содержат в основном общие рассуждения на чувашском языке, а используемые авторами профессиональные слова и термины в массе своей — заимствования в национальной «инкрустации»: *количествăллă интервал*, *мелодилĕ форма*, *тоникалĕ трезвучи*, *полутон*, *скрипичный ключ*, *нотоносец*, *затакт*, *мотив*, *лад*, *подголосок*, *1-мĕш ступень* и т. п. Типичным примером такой литературы является учебное пособие Г.А. Маркиянова «Музыка грамотин методики» («Методика музыкальной грамоты») под редакцией Ю.А. Илюхина¹⁸. О характере содержания книги красноречиво свидетельствует само ее название: все три слова в нем без труда можно передать по-чувашски, но ни одно не переведено. В принципе не возражая против употребления

интернационального термина «музыка», более приемлемым считается следующий вариант заголовка: «Музыка пѣлѣвѣн меслетлѣхѣ». С нашей стороны было бы несерьезным и опрометчивым уподобляться пуристам и выступать, к примеру, против стандартных итальянских обозначений. Их роль в профессиональной музыкальной литературе, наверное, можно сравнить с латинизмами в научной медицине. Вместе с тем существует немало понятий, которые можно и нужно обозначить на национальном языке. Вспомним, в частности, счет музыкальных длительностей. При первой читке произведения с листа или в ритмически сложных местах опытные музыканты считают доли в такте, причем при игре восьмыми длительностями (для удобного счета — восьмушек) после каждого счета вставляется разделительный слог «и». Музыкальный счет в таком случае выглядит следующим образом: *раз-и, два-и* или *раз-и, два-и, три-и, четыре-и*.

Именно он, русский счет, вплоть до настоящего времени сохраняется и в чувашезычной литературе по музыке и хореографии. Трудно объяснить такое состояние вещей, ведь считать-то на своем языке мы еще не разучились! Музыкальный счет по-чувашски получается ничуть не хуже иноязычных вариантов: *пѣр-ре, тен-ре* (раз-и, два-и) или *пѣр-ре, тен-ре та-та тен-ре* (раз-и, два-и, три-и, четыре-и).

Как ни покажется странным на первый взгляд, национальная музыкальная литература 20—30-х гг. прошлого века в отношении чувашских терминов оказалась наиболее содержательной. Здесь в первую очередь следует отметить сочинения Степана Максимова и Федора Павлова.

С.М. Максимов, к примеру, в сборнике нотной грамоты для чувашских начальных, неполных средних, средних школ и педтехникумов «Музакъ сыруне вѣренмелли кѣнеке», опубликованном в 1935 г., использует не только заимствования типа *гармониллѣ минор, натураллѣ минор, лад, мотив, период, транспозици, фраза, субдоминанта*, но и собственно чувашские обозначения: *виѣсе, купас уѣси, вѣрѣм (нысѣк) нота, йывѣр (пусѣмлѣ) виѣсе, ѣуртон, хутлавлѣ такт, улѣштарнѣ сасѣсем, ѣывѣх гаммѣсем, виѣсас* и т. д.¹⁹

Особую роль в становлении профессиональной лексики и терминологической системы музыкальной культуры чувашей сыг-

рал Ф.П. Павлов, обладавший не только выдающимися способностями в сфере музыки, но и незаурядным литературным дарованием. Ему пришлось заниматься практической разработкой национальной историко-искусствоведческой, музыкально-теоретической и стиховедческой терминологии²⁰. В частности, названия жанров песен, видов инструментальных наигрышей и разновидностей музыкальных инструментов, свойственных чувашскому народу, впервые определились в его научно-популярной статье «Чăваш мусăкĕ»²¹.

Если бы эта работа не была прервана политическими репрессиями конца 30-х гг. прошлого века, мы могли бы иметь довольно богатую и стройную систему музыкальных терминов на родном языке. Однако в 1937 г. Степан Максимов был репрессирован, большинство его трудов было изъято из употребления. Многие термины, созданные в 1920—1930-х гг. по структурно-семантическим моделям родного языка, были отвергнуты. Наиболее удачные из них мы попытались вернуть в терминологический обиход.

При пополнении и упорядочении терминологии на чувашском языке соблюдаются следующие критерии:

1) термин должен быть лингвистически корректным, системным, по возможности коротким и понятным (т. е. семантически прозрачным, мотивированным);

2) в пределах терминосистемы обозначение должно соответствовать только одному понятию, иметь одно значение и не допускать его неправильного толкования.

В соответствии с данными установками для обозначения, к примеру, подголоска, т. е. голоса, вторящего основному в народном многоголосном пении, нами предложено метафорическое сочетание *пичеври сасă* (букв. «пристяжной голос»), образованное по аналогии с традиционным сочетанием *пичеври лаша* «пристяжная (впряженная сбоку от коренника) лошадь». Следует также отметить: во избежание терминологической двусмысленности название *сасă* в терминосистеме музыкального искусства, в отличие от общенародного языка, оставлено лишь в значении «голос», а для обозначения понятия «звук» реанимирован архаизм *чĕвĕ*, сохранившийся в парном (парно-собирательном) слове *сас-чĕвĕ* «звуки», «шум вообще».

Унифицированная нами в сотрудничестве с известными специалистами в области чувашской музыки и хореографии — профессором М.Г. Кондратьевым и В.А. Милютиным — чувашская музыкальная и хореографическая терминология в той или иной мере нашла применение не только в работах указанных авторов²², но и их коллег и единомышленников²³.

Далее для наглядности предлагаем вниманию читателей краткий русско-чувашский словарь народно-хореографического искусства:

акцент — *сулӑм* (с акцентом — *сулӑмлӑн*)

бег — *чупӑм*

мелкий бег — *вӗтӗ(рти) чупӑм*

простой бег — *ахаль чупӑм*

танцевальный бег — *ташӑ чупӑмӗ*

шаркающий бег — *кӑштӑрти чупӑм*

взмах — *авсӑм*

легкий взмах — *сӑмӑл авсӑм*

вращение — *саврӑм*

вращение в парах — *майӑрлӑ саврӑм*

синхронное вращение — *харӑс саврӑм*

возвращение — *таврӑну*

«гармошка» (название движения) — «*кӗтеслӗ*»

«гармошка» на одной ноге с приставкой другой — *хӑрах*

урапа «кӗтеслӗ» туса теприне сумӑн лартни

движение — *кусӑм; хускану; выляту, вылятни*

быстрое движение — *хӑвӑрт кусӑм*

движение бедрами — *пӗсӗсене вылятни*

движение кистей — *ал лаппи хусканӑвӗсем*

движение по ходу часовой стрелки — *хӗвеле майлӑ кусӑм*

движение против часовой стрелки — *хӗвеле хирӗсле кусӑм*

дробные движения — *тӑпӑрти кусӑм*

плавные движения — *тикӗс кусӑм, тӗлек хусканусем*

резкие движения — *хивре кусӑм, хивре хусканусем*

дробь — *тӑпӑртӑк, тӑпӑртатни*

синкопированная дробь — *синкопӑлла тӑпӑртӑк*

«елочка» (название движения) — «*чӑрӑшла*»

«ключ» (название движения) — «*саккӑрла*» («*саккӑрла сӑпни*»)

«дробный ключ» — «*саккӑрла тӑпӑртатни*»

коленце — *ташӑ кукри*

композиция — *тытӓм*
 композиция танца — *ташӓ тытӓмӓ*
 круг — *ункӓ*
 подковообразный круг — *такан евӓрлӓ ункӓ, такан унки*
 центр круга — *ункӓ варри*
 наклон — *тайлӓм*
 легкий наклон — *сӓмӓл тайлӓм (канас тайлӓм)*
 перескок — *улийӓнулӓ сикӓм*
 переступание — *пусӓм*
 мелкие переступания — *вӓтӓ пусӓмсем*
 поворот — *саврӓну*
 полный поворот — *тулли саврӓну*
 подскок — *сикӓлчӓк*
 подскок с двойным притопом — *сикӓлчӓкне ик таптам*
(тӓнкӓлтӓк)
 покачивание — *ухӓну, ухӓнни*
 поклон — *пуҫ тайӓм, пуҫ тайни*
 положение — *тӓрӓм*
 исходное положение — *пуҫламӓш тӓрӓм*
 положение ног — *ура тӓрӓмӓ*
 приглашение — *чӓнӓ*
 приемы танца — *ташӓ мелӓсем (ташӓ йслайӓсем)*
 припадание — *сӓкӓну, сӓкӓнни*
 припляс — *ташлам*
 приставка ноги — *сумӓн лартни, ура тӓкни*
 присядка — *кукленӓ, кукленни (ура хуҫни)*
 присядка с выносом ноги вперед — *кукленсе урана кӓн-тарни*
 присядка с выносом ноги в сторону — *кукленсе урана айккӓн яни*
 притоп — *таптам*
 двойной притоп — *йӓкӓр таптам*
 легкий притоп — *сӓмӓл таптам (йӓпӓш таптам)*
 резкий притоп — *хивре таптам*
 тройной притоп — *виҫсӓлле таптам*
 притопнуть — *таптамла*
 с акцентом притопнуть правой ногой — *сылтӓм урапа сулӓмӓн таптамла*
 проходка — *яра куҫӓм*

прыжок — *сикём*

маленький прыжок — *пёчэк сикём*

разворот — *пярэну*

скольжение — *шуся, шуэни*

мягкое скольжение — *лапкя шуся, йяр-йяр шуэни*

танец — *ташя*

быстрый танец — *шухя ташя*

женский танец — *хёраям(сен) ташиши*

медленный танец — *лапкя ташя*

молодежный танец — *самряксен ташиши*

мужской танец — *арсын(сен) ташиши*

парный танец — *майярля ташя*

сольный танец — *пёччен ташя*

удар — *тапям*

фигуры танца — *ташя эрешёсем*

хлопок — *ал суппи, супя*

ход — *суреэ*

дробный ход — *тапярти суреэ*

основной ход — *тён суреэ*

ход с покачиванием — *уханулла суреэ*

хореография — *хореографи, ташя ўнерё*

народная хореография — *халых хореографийё, халыхан ташя ўнерё*

шаг — *утям*

беговой шаг — *чупма утям*

боковой шаг — *айккян утям*

легкий шаг — *самал утям*

маленький шаг — *пёчэк утям*

мелкие быстрые шаги — *вётёрти утямсем*

мелкие скользящие шаги — *вётё шусяк утямсем*

переменный шаг — *ылмаш утям*

простой (обычный) шаг — *ансат (ахаль) утям*

скользящий шаг — *шусяк утям*

тройной шаг с притопом — *виэ утямна таптам*

шаг в сторону — *сум утям*

шаги с подскоками — *сикёлчёлё утямсем*

шаг-приставка — *[урана] сумян лартни, ура тёкни*

широкий шаг — *пысяк утям*

IV. БИОЛОГИЧЕСКАЯ НОМЕНКЛАТУРА

В соответствии с принципами таксономии²⁴ каждый биологический вид входит в определенную систему и занимает в ней закрепленное за ним место. Биологические виды образуют роды, а близкородственные роды объединяются в семейства, далее — в отряды, классы, типы, царства. По правилам Международного кодекса зоологической номенклатуры²⁵ и Международного кодекса ботанической номенклатуры²⁶ каждый вид должен иметь оригинальное название, состоящее из двух компонентов: первый — родовое, одинаковое для всех видов, объединяемых в данный таксон, а второй — собственно видовое, специфичное, показывающее уникальность вида в означенном роде. Следует признать, что декларируемые принципы систематической номенклатуры полностью соблюдаются только на латыни. В живых языках, в зависимости от их типологических особенностей и уровня развития, в большей или меньшей степени неизбежны отступления от правил, их корректировка.

В свое время мы вместе с известным орнитологом, заслуженным экологом Чувашской Республики Владимиром Алексеевичем Яковлевым (1968—2022) занимались систематизацией чувашской орнитологической лексики, поиском оптимальных моделей сочетания основных принципов международной зоологической номенклатуры со спецификой национального языка и сформировавшимися в нем ономазиологическими традициями. Нами был проведен сравнительный анализ научной орнитологической номенклатуры и естественно сложившейся в чувашском языке системы номинации птиц. Значительное внимание уделялось выявлению слабых мест в используемой терминсистеме и определению возможностей их устранения²⁷.

В отличие от биномиального способа обозначения видов, принятого в международной зоологической систематике, количество лексических компонентов в народных названиях птиц может быть различным — от одного до четырех.

Главным отличием бытовой номенклатуры от научной является отсутствие однозначности. Народные названия редко соответствуют конкретному биологическому виду, а чаще всего означают группу видов, весь род или даже целое семейство.

К примеру, чувашский народный орнитоним *хӗлат* служит обозначением довольно большой группы хищных птиц (в словарях обычно указываются коршун, сарыч, канюк, лунь), а в биологическую номенклатуру мы включили его лишь в значении «лунь» (*Circus*)²⁸. Также слово *чарлан* в речи чувашей может быть обозначением и цапли, и чайки, но в научной систематике данный орнитоним закреплён за цаплями.

Недифференцированность народных названий флоры и фауны связана, с одной стороны, неразличением в повседневной жизни самих реалий (разных видов) из-за большого внешнего сходства, неосознанным объединением их в одно понятие, а с другой — сознательным обобщением денотатов, имеющих сходства в релятивных признаках, переносом наименования с одного понятия на другое. К примеру, названием *чей курӑкӗ* (букв. «чайная трава») в народе объединяют зверобой, мяту и душицу. Также *лачӑн* (варианты: *лачӑн кайӑк*, *лӑпчӑн кайӑк*, *лапчӑн кайӑк*, *лачӑм кайӑк*) является не только диалектным наименованием сокола, но и собирательным обозначением целой группы ловчих птиц, объединённых не по систематическому, а по субъективно-прагматическому принципу.

Не следует также забывать то, что народные названия появлялись независимо друг от друга в разных местах: одни и те же мотивы, структурно-семантические модели могли быть использованы для номинации различных животных и растений, обладающих аналогичными признаками. С этим связана неоднозначность народных названий в плане лингвогеографическом, наличие омонимичных наименований.

Наряду с недифференцированностью (семантической неустойчивостью) и омонимией народной номенклатуре птиц присуща дублетность и многовариантность наименований — наличие нескольких означающих для одного означаемого. Скажем, для обозначения бекаса (*Gallinago gallinago*) в чувашском языке существуют следующие номинативные варианты:

шур таки (букв. «болотный барашек»), *шыв таки* «водяной барашек», *такашка* «барашек», *шыв качаки* «водяная коза», *шур качаки* «болотная коза», *хир качаки* «полевая коза», *торӑ качаки* «божья коза», *тӑпне шӑхран* «небесный рожок», *тӑм шӑхран* «глиняный рожок», *вӑрӑм сӑмса* «долгонос» и т. д.²⁹ Первый из них («болотный барашек») считаем наиболее удачным и предлагаем

закрепить в качестве видового наименования по следующим соображениям:

1) обозначаемый им вид действительно предпочитает болотистые места;

2) во время токовых полетов птица вибрацией рулевых перьев издает характерные звуки, напоминающие бляение барашка;

3) данный вариант наиболее употребительный среди перечисленных и связан с наметившейся традицией применения его в качестве нормативного названия³⁰. Некоторые общезыковые и специальные словари³¹ для номинации бекаса предлагают *шур качаки* («болотная коза»), но данный орнитоним имеет небольшой ареал распространения и к тому же при включении его в систематическую номенклатуру может вызвать путаницу с очень близким по звучанию орнитонимом *тур качаки* «козодой» (букв. «божья коза»).

Своеобразное родо-видовое различие птиц проявляется и в народной номенклатуре. Гнезда одинаково оформленных названий с общим стержневым компонентом отвечают требованию системности и структурного единства терминов. Однако использовать их в готовом виде в научной систематике весьма непросто, поскольку общий компонент в народных названиях не является свидетельством принадлежности обозначаемых реалей к одному зоологическому роду или семейству. Например, кулик по-чувашски именуется *шыв чӑххи* (букв. «водяная курица»). Таким образом, базовый компонент *чӑх(ӑ)*, характерный для отряда Курообразные, используется при номинации подотряда Кулики из отряда Ржанкообразные. Интересно отметить: точно такое же название — *су тавыгы* (букв. «водяная курица») — существует и в татарском диалектном языке, но относится оно к лысухе (*Fulica atra*) из отряда Журавлеобразные. А в сознании чувашского народа данная птица ассоциируется отнюдь не с курицей, а с уткой и обозначается соответственно *кукша кӑвакал* (букв. «лысая утка»). Хотя в качестве базового компонента в этом наименовании присутствует обозначение птицы из другого отряда, в целом оно удачно характеризует отличительные черты обозначаемого вида — угольно-черной водоплавающей птицы с белой бляхой на лбу. Поэтому традиционный чувашский орнитоним *кукша кӑвакал* («лысая утка»), по-видимому, следует оставить за лысухой.

Другой пример: птицы из семейства соколиных пустельга и кобчик в некоторых диалектных зонах известны как *путене хурчки* (букв. «перепелиный ястреб») и *серси хурчки* (букв. «воробьиный ястреб»). Однако эти названия не могут рассматриваться в качестве нормативных названий из-за нарушения принципа родовой принадлежности (в функции базового компонента наименований используется название чужого рода *хурчка* «ястреб»). Вместе с тем сочетание *серси хурчки* («воробьиный ястреб») в диалектном языке встречается и в значении «ястреб-перепелятник». В этом случае оно вполне соответствует требованиям научной систематики фауны и применимо в зоологической номенклатуре на чувашском языке.

На территории Чувашии можно встретить 12 видов сов, относящихся к одному семейству. Для их обозначения в русском языке имеется шесть родовых наименований (*сова, филин, сыч, сычик, сплюшка, неясыть*), а в чувашском их два: *тăмана* «сова» и *йӳхӳ* «филин». В отличие от широкозначного названия *тăмана*, соотносимого с любым родом совы, чувашское *йӳхӳ* используется только для номинации филина (*Bubo bubo*). Авторитетные словари чувашского языка свидетельствуют, что в значении «сыч, сова» употребителен и орнитоним *хӗрхи*³². Однако данное «значение» у лексемы *хӗрхи*, являющейся названием кобчика, появилось по нелепому недоразумению: осторожное предположение, высказанное в свое время Н.И. Ашмаринным («наверное, [и] сыч: летая по воздуху, ищет мышей и ловит их»)³³, последующими лексикографами было воспринято как утверждение, и у *хӗрхи* в качестве второго значения — или даже первого (!) — они начали указывать не соответствующее действительности «сыч, сова».

В обозначении одного из представителей совиных — сплюшки (*Otus scops*) — во многих языках просматривается своеобразная диминутивная (уменьшительная) коннотация: немцы называют ее «карликовой ушастой совой», чехи — «малой совой», украинцы — «совкой» и т. д. Хотя по размерам сплюшка несколько крупнее воробьиного сычика, в чувашском языке также предлагаем закрепить за ней название *пӗчӗк тăмана* («маленькая сова»). Однако следует учесть, что по сложившемуся странному обычаю в общеязыковых чувашских словарях указанный орнитоним и название воробьиного сычика *серси тăмани* приводятся

в значении «домовый сыч»³⁴, но в специальной литературе намечалась правильная тенденция применения его в качестве обозначения сплюшки³⁵.

Чувашская зоологическая номенклатура в течение длительного времени развивалась путем калькирования с русского. И в результате возникло немало нелепых названий. Например, в русском языке есть обозначение вьюрковой птицы *чечевица* (*Carpodacus erythrinus*), которая к одноименному бобовому растению имеет весьма косвенное отношение. Получила птица свое имя из-за характерного пения, которое можно трактовать как звукоподражание *че-че-ви-ца* или *чи-чи-ви* в разных вариациях. Но наши предшественники эти обстоятельства не учли и перевели название птицы на чувашский буквально — *ямйк каййк* («птица чечевица»), что не соответствует биологическим и иным характеристикам этого вида.

Обыкновенная кукушка (*Cuculus canorus*) имеет в чувашском языке традиционное название *куккук*. Недавно на территории республики зафиксировано и пребывание глухой кукушки (*Cuculus saturatus*), поэтому обозначение *куккук* будет являться родовым — *куккуксем* «кукушки». С учетом этого обыкновенную кукушку следует назвать *ахаль куккук*, а глухую по аналогии с английским (Oriental cuckoo) предлагаем именовать *тухйс куккукё* (букв. «восточная кукушка»). Доказательством обоснованности такого названия является приуроченность гнездового ареала этого вида к востоку от Урала. Следует также заметить, что русское обозначение «глухая кукушка», данное по характеру воспроизводимого самцами звука (глуховатое, низкое *ду-ду* или *ту-ту*), не совсем удачное: оно создает ложное впечатление об отсутствии слуха у особей этого вида. Поэтому не приходится удивляться тому, что даже в специальной литературе³⁶, не говоря уже о журналистских публикациях, можно встретить нелепое чувашское название глухой кукушки, полученное путем небдуманного калькирования русского орнитонима, — *илтмен куккук* (букв. «неслышащая кукушка»).

Представитель отряда Ржанкообразные дупель (*Gallinago media*) в чувашских словарях часто именуется *вйрман кйвакалё* (букв. «лесная утка»)³⁷. Однако это название вряд ли можно считать удачным, поскольку обозначаемая птица относится не к уткам, а к куликам и ее излюбленными местами обитания яв-

ляются отнюдь не лесные массивы, а луга с большой влажностью, болотистые места с низкой растительностью. Учитывая это, название *вӑрман кӑвакалӑ* не стоит включать в чувашскую орнитологическую номенклатуру в качестве названия дупеля, за данным видом следует закрепить хорошо известное в прошлом народное название *вӑтел*. А освободившееся от прежней семантической нагрузки наименование *вӑрман кӑвакалӑ* («лесная утка») в свою очередь может быть вполне приемлемым обозначением гнездящейся в дуплах утки — гоголя.

При формировании и нормализации биологической терминологии на чувашском языке большим подспорьем является словарь Н.И. Ашмарина. Однако в нем немало случаев, когда чувашскому зоониму или фитониму не предложен русский аналог (т. е. народный термин указан без конкретного значения), но довольно подробно описан сам объект, или хотя бы приведена его существенная особенность. Например, после лексемы *шӑлинкурӑс* следует такой текст: «назв. птицы, желтого цвета, не больше воробья, кричит (весною): *чи-чи-чи-чи-у-у-у!* Ее голосу подражают и говорят: *Ёсле-ёсле — си-и!*»³⁸. Человек, сведущий в вопросах этнобиологии, по указанным параметрам однозначно определит данную птицу — обыкновенную овсянку. К сожалению, лингвисты, занимавшиеся составлением чувашских словарей после Ашмарина, данному орнитониму неверно подобрали русское соответствие — «свиристель». Сохранение *шӑлинкурӑс* в указанном значении в настоящее время можно обосновать лишь данью сложившейся традиции.

Тем, кто занимается проблемами биологической номенклатуры или терминологии в целом, необходимо иметь критическое отношение к лексикографическим свидетельствам. Некоторые ошибки и неточности имеют обыкновение кочевать из словаря в словарь. К примеру, в качестве чувашского названия пеночки указывается сочетание *чие кайӑкӑ* (букв. «птица вишни»). Но пеночки — лесные птицы, а вишня, как правило, растет возле жилища человека. К тому же в зарослях вишни часто поселяется другая птица — садовая камышевка, которая довольно четко выделяется структурой своей песни. Учитывая, что пеночки и камышевки морфологически очень схожи, можем констатировать, что под орнитонимом *чие кайӑкӑ* следует понимать садовую камышевку. В таком случае данный орнито-

ним не должен употребляться в качестве обозначения пеночек. Подобных примеров можно привести немало.

Следует учесть: при недостаточно разборчивом отношении к освоению чужеродных средств и способов (моделей) номинации лексические и семантические заимствования иноязычных наименований не способствуют унификации терминологии и сохранению самобытности языка, а создают лишь дополнительные трудности.

Усовершенствование чувашской орнитологической номенклатуры является начальным этапом работы по упорядочению биологической терминологии в целом. Она помогает понять логико-методологические основы номинации биологических объектов, определить степень сохранности традиционных названий в современном языке, выявить уровень вариантности в национальной биологической номенклатуре, предложить оптимальные обозначения для местных представителей флоры и фауны, найти приемлемые формы координации нормализаторской деятельности терминоведов и биологов.

Биологическая номенклатура на национальном языке, на наш взгляд, должна развиваться на следующих принципах:

1) для создания производных зоонимов и фитонимов видового и, при необходимости, родового уровней в качестве базовых элементов следует максимально использовать народные наименования флоры и фауны;

2) весь процесс номинации биологических объектов и формирования биномиальной номенклатуры по мере возможности должен быть приближен к требованиям Международного кодекса зоологической номенклатуры и Международного кодекса ботанической номенклатуры. Наиболее существенное требование — ограничение применения базовых названий в рамках конкретного таксона (рода и — в исключительных случаях — семейства).

Приведение национальной номенклатуры в соответствие с современным уровнем развития биологической науки и нормализация употребления терминологии будут способствовать не только совершенствованию языка и межкультурной коммуникации, но и повышению естественно-научной грамотности населения, эволюции метапредметных компетенций учащихся.

V. ТЕРМИНОЛОГИЯ КОМПЬЮТЕРНЫХ ТЕХНОЛОГИЙ

Формирование национальной компьютерной терминологии стало велением времени, требованием современной жизни. Выросли компьютерные поколения чувашей, активно потребляющие информацию в цифровом формате, вовлеченные в новые формы коммуникативной активности. Компьютерная терминология давно перестала быть узкоспециальной, замкнутой сферой функционирования лексики. Базовые термины из подязыка ИТ-специалистов перешли в обиходную речь, из разряда технических терминов превратились в коммуникативно важные слова. В данных условиях облечение понятий компьютерной сферы в материальную форму чувашского языка, «чувашизация» компьютера способствуют повышению компьютерной грамотности народа, развитию чувашского языка и приобщению к нему молодого поколения. Компьютерная культура может стать неотъемлемой частью современной национальной культуры.

Наделение программного обеспечения «национальной оболочкой» предусматривает знание и учет многих нюансов, так или иначе влияющих на успешность ее применения:

1) при формировании интерфейсных текстов нужно исходить из особенностей фонетического и грамматического строя чувашского языка, к которым относятся вариативность аффиксальных морфем, постпозиция служебных слов и т. п.;

2) в предложениях с динамически представляемыми параметрами, независимо от логики построения фразы, порядок следования аргументов не меняется и т. д.

Локализация компьютерных программ (преобразование их для удобства работы носителей чувашского языка) имеет и культурологический аспект, который предполагает учет социоэтнокультурного бэкграунда потенциальных пользователей, особенностей национальной ментальности.

К примеру, форма вежливого обращения на «Вы» не соответствует традиционным канонам чувашского речевого этикета. На наш взгляд, в локализованных версиях компьютерных программ глаголы второго лица повелительного наклонения (императивные обращения) следует употреблять в единственном числе. Такое оформление побуждения, где фразы звучат как персо-

нальное обращение к каждому пользователю, предпочтительно и в психологическом плане — как дополнительное средство создания атмосферы доверительности, способствующей преодолению эмоционально-психологического дискомфорта, обычно характерного для людей старшего возраста на адаптационном этапе взаимодействия с компьютером.

Общение с компьютером на родном языке, на наш взгляд, способствует более полному раскрытию творческого потенциала человека, вызывает положительные ассоциативные связи с прежним эмоциональным опытом. Текст в интерфейсе воспринимается лучше, и потребитель программного продукта может сосредоточиться на быстром и качественном выполнении своей задачи.

Несмотря на все усилия, в нашем языке еще не сформировалась своя система обозначения компьютерных реалий, не сложилась околотерминологическая среда (субстандартный слой), поэтому в речи чувашеязычных пользователей доминируют русские обороты с чувашской «инкрустацией»: *компьютера включить ту, домашни страницана уш, последни документи сине пус, личный даннайне удалить ту* и т. п. Наблюдается большое расхождение в переводе названий соответствующих понятий (например, закрепившееся в русском языке обозначение «исполняемые файлы» по-чувашски передается как *яма юрăхлă файлсем, ёслё файлсем, ёслекен файлсем, ёс тăвакан файлсем*), некорректность и непоследовательность использования терминов, злоупотребление заимствованиями. Встречаются нелепые новообразования, нарушающие деривационные законы чувашского языка: *графо-йёркелу́сё* «графопостроитель», *маркăсă* «маркер», *суйлак* «меню», *шăшик* «мышь» и т. д. Такая ситуация вызвана тем, что чувашеязычная компьютерная терминология, вопросы ее формирования и упорядочения вновь остались вне поля зрения специалистов.

Попытки создания чувашской компьютерной терминологии пришлось на первые годы нового века. Вначале нам пришлось выступить в качестве рецензента «Русско-чувашского словаря по информатике» П.В. Желтова³⁹, а затем в сотрудничестве с И.В. Алексеевым и при участии Н.А. Плотникова в течение ряда лет заниматься проблемами компьютеризации чувашского языка и формированием соответствующей терминосистемы⁴⁰. В пос-

ледующие годы к созданию ИТ-терминов на чувашском языке подключились новые люди, их труд отражен в чувашском интерфейсе сервиса социальной сети «ВКонтакте», мессенджера Telegram и др.

Основными способами пополнения компьютерной терминологии чувашского языка являются: терминозаимствование, терминозамена, терминологизация и терминообразование.

В докладе предлагаются термины и их возможные варианты, образованные на базе данных способов. С учетом внешней и внутренней (семантической) формы неотерминов предпринята попытка их систематизации

1. Терминозаимствование — обращение к лексическому фонду английского языка и беспереводное употребление иноязычных слов; внешнее заимствование.

1. Прямое заимствование — использование иностранного названия в исходном написании; полное копирование.

С англо-американскими терминами в неадаптированной форме чувашезычные пользователи встречаются на клавиатуре компьютера (*Enter, Delete, Insert*), в печатных и электронных текстах на родном языке (*e-mail, on-line*). С полным копированием англоязычного написания наиболее часто приводятся электронные адреса, наименования корпораций и интернет-сообществ, названия программных продуктов.

К обозначениям, сохраняющим оригинальную орфографию, иногда через дефис присоединяют и чувашские аффиксы: *Cap.ru-ра, Photoshop-на*.

Записанные латиницей элементы встречаются также в составных терминах в виде вкраплений (трансплантов): *HTML как тексчĕ* «исходный текст в формате HTML», *PDF-ла лешни* «экспорт как PDF», *XML алин ёнерленёвĕ* «параметры фильтра XML».

2. Транскрипционное или транслитерированное заимствование — воспроизведение звуковой или графической формы англоязычного термина средствами чувашского языка.

Использование иностранного термина со спецификацией его основных дефинитивных параметров и с фонетико-орфографической, морфологической адаптацией является одним из основных способов пополнения компьютерной терминологии чувашского языка. Благодаря этой модели внешних заимствований

появились такие термины, как *модем, монитор, принтер, сайт, сканер, тапӓл* «таблица (table)», *файл* и др.

В процессе интеграции в новую систему терминологических отношений заимствованные обозначения приспособляются к грамматическим законам и деривационным моделям чувашского языка. Признаками их лексико-семантического освоения являются развитие словообразовательной продуктивности (присоединение чувашских аффиксальных морфем), создание сочетаний с исконными обозначениями и т. п.

II. Терминозамена — подбор чувашских названий, соответствующих по значению англоязычным терминам.

1. Скрытое заимствование — придание исконно чувашскому слову нового, компьютерного, значения с учетом английского эквивалента; лексико-семантическое калькирование:

ана «пашня; поле» — *ана* «поле»;

ӓста «мастер, искусник, виртуоз» — *ӓста* «мастер»;

тетел «рыболовная сеть, невод» — *тетел* «сеть»;

чӓрече «окно» — *чӓрече* «окно»;

шӓши «мышь» — *шӓши* «компьютерная мышь».

2. Повторное заимствование — придание нового значения ранее освоенному термину под влиянием английского и/или русского языка; заимствование нового значения.

Благодаря этой модели терминотворчества в сферу компьютерных технологий перешли обозначения: *адрес, модель, страница, текст, формула, экран* и др. Привычные лексемы приобрели дополнительные значения и расширили свою сферу в национальном лингвокультурном пространстве.

3. Смешанное заимствование — создание сложного термина путем заимствования (с сохранением иноязычного элемента) и калькирования.

Типичными терминами, образованными по этой модели, являются гибридные обозначения (полукальки) с универсальными интернациональными или англо-американскими терминологическими элементами: *автоӓнесӓ* «автоподбор», *автотӓрлетӓ* «автозамена», *веб-шырав* «поиск в Интернете» и т. п.

Термины, образованные путем калькирования иноязычного термина, во многом схожи с обозначениями, возникшими в результате независимого семантического развития. Отличие в том, что последние обусловлены национальным мировос-

приятием и в основном отличаются большей степенью мотивированности, а при образовании терминов путем калькирования новое значение не находится в непосредственной связи со старым.

Сочетания разноязычных по начертанию компонентов типа *Internet-уçлăх* «Internet-пространство», *web-страница* можно встретить в чувашских периодических изданиях для молодежи: в газетах «*Çамрăксен хаçачё*», «*Тантăш*» (раньше использовались также на форумах сайта *Chuvash.org.*). На данном этапе они, по существу, являются проводниками и популяризаторами компьютерных терминов.

III. Терминологизация — вовлечение в компьютерную терминологию имеющихся в языке слов; семантическая деривация.

1. **Специализация значения** — придание слову из общенародного языка узкоспециального (терминологического) значения путем использования одного из дифференциальных признаков, заключенных в исходной семантике:

кăк «корень» — *кăк* «исходник»;

хушмач «то, что прибавляется или вставляется (наставка, вставка, клин, планка)» — *хушмач* «подключаемый модуль».

2. **Актуализация** в терминологии архаичного слова из пассивного фонда языка; приспособление старой языковой оболочки к новому содержанию:

евит «заявление, сообщение» — *евит* «отчет»;

ёскер «вещь, предмет» — *ёскер* «объект»;

юм «особая форма колдовства» — *юм* «код».

3. **Транс терминологизация** — заимствование обозначения из другой специальной сферы с переосмыслением имеющегося значения; повторная терминологизация:

вырнаçулăх «уместность, сообразность» — *вырнаçулăх* «обтекание»;

кăтартмăш «указатель» — *кăтартмăш* «указатель, индекс».

Употребление слова в новой функции позволяет выразить неизвестное через знакомое и понятное, уже освоенное языковым опытом. Некоторые случаи автономной семантической деривации достаточно сложно отличить от семантических калек.

Подбор денотативного эквивалента — чувашского названия, наиболее адекватно соответствующего по значению англоязыч-

ному термину — в большинстве случаев осуществляется путем метафорического переноса:

а) сходство местоположения:

пуселёк «изголовье» — *пуселёк* «заголовок»;

тупан «подошва, подметка» — *тупан* «нижний колонтитул»;

тўнем «верх, вершина» — *тўнем* «верхний колонтитул»;

б) сходство производимого впечатления:

кантйк «звено окна; оконное стекло» — *кантйк* «вкладка»;

сикчӗ «пропуск, пробел», «прогалина, огрех» — *сикчӗ* «разрыв»;

чӗлӗ «ломоть, кусок» — *чӗлӗ* «ячейка»;

в) сходство выполняемых функций:

карт «зарубка, метка», «след, память» — *карт* «закладка»;

кашӑ «перекладина; мостки» — *кашӑ* «связь, ссылка»;

султус «проводник, провожатый», «вождь» — *султус* «навигатор».

IV. Терминообразование — создание терминов с помощью формальных средств и деривационных моделей чувашского языка; терминологическая деривация.

1. Морфологический способ — образование производного слова с помощью аффиксальной морфемы; аффиксальная деривация:

тӗкӗр «зеркало» — *тӗкӗрле* «отразить».

Рассмотрим основную часть аффиксального фонда компьютерной терминологии:

а) -ӓм/-ӓм:

кур «видеть, смотреть» — *курӓм* «вид»;

сар «расширять, развертывать» — *сарӓм* «раскладка»;

б) -в:

асӓрха «замечать, примечать» — *асӓрхав* «примечание»;

ӗнерле «налаживать, настраивать» — *ӗнерлев* «настройка»;

тӗсе «указывать, ссылаться» — *тӗсев* «сноска»;

в) -у/-ӳ:

кӗрт «вводить, вносить» — *кӗрту* «ввод»;

пӗрлештер «объединять, соединять» — *пӗрлештеру* «слияние, объединение»;

тух «выйти» — *туху* «выход»;

г) -с(ӓ)/-с(ӗ):

Интернет «Интернет» — *интернетсӑ* «пользователь Интернета»;

тетел «рыболовная сеть, невод» — *тетелсĕ* «сетянин»;

тиев «погрузка, загрузка» — *тиевсĕ* «загрузчик»;

усă «польза» — *усăс* «пользователь»;

д) **-лăх/-лĕх**:

тулаш «внешний вид, форма» — *тулашлăх* «формат»;

шут «число, счет» — *шутлăх* «нумерация» и т. д.

2. **Синтаксический способ** — образование полилексемного обозначения посредством композиционной модели чувашского языка; аналитическая деривация:

айкинчи сўлĕк «боковая панель»;

хĕреслĕ сĕлтни «перекрестная ссылка».

Большинство двухкомпонентных терминоединиц по типу структурно-семантического оформления являются изафетными словосочетаниями с аффиксом принадлежности (изафет II):

виçe йăрăмĕ «линейка», букв. «мерная полоска»;

карт сўлĕкĕ «панель закладок», букв. «полка (для) меток»;

палăсен виçi «регистр»;

пĕлĕмлĕх пухмачĕ «база данных».

Особую семантико-синтаксическую группу составляют структурно-семантические кальки — терминосинтагмы, возникшие путем замены составных частей иноязычного термина чувашскими эквивалентами:

пукăч хăми «клавиатура (keyboard)»;

сăмах шучĕ «статистика (word count)»;

тул йĕр «структура (outline)», букв. «внешняя линия».

В чувашской компьютерной терминологии встречаются и более сложные образования — терминосинтагмы, состоящие из трех или четырех компонентов:

библиографин пĕлĕмлĕх пухмачĕ «база данных библиографии»;

йĕркен юравлă сўлĕшĕ «оптимальная высота строки»;

пĕлĕмлĕх пухмачне ылмаштар «сменить базу данных»;

страницăна сьрăнса хур «подписаться на ленту новостей».

По степени семантической спаянности компонентов данные компьютерные термины могут быть устойчивыми или относительно свободными. Терминосинтагмы с относительно свободной связью компонентов, как правило, являются средством даль-

нейшей дифференциации понятий (в конкретно-речевой ситуации главный компонент такого обозначения может взять на себя семантическую нагрузку всего наименования). А составные термины с устойчивой связью компонентов служат не для дифференциации однородных предметов, а для различения и противопоставления предметов, принадлежащих к разным логико-понятийным рядам.

Быстрое развитие компьютерных технологий, постоянное появление новых понятий требует динамичной реакции языка, оперативного ввода в терминосистему дополнительных обозначений. В этих условиях добиться строгой регламентации употребления терминов нелегко.

VI. ГЕОГРАФИЧЕСКАЯ НОМЕНКЛАТУРА

Употребление названий улиц (годонимов) отличается наибольшей вариативностью и заслуживает особого внимания.

Многие наименования элементов улично-дорожной сети, появившиеся в последние годы в столице Чувашской Республики, не отвечают требованиям унификации топонимической системы. В «Реестре наименований улиц, площадей в Чебоксарском городском округе», утвержденном постановлением администрации г. Чебоксары Чувашской Республики от 21 апреля 2008 г. № 111 (с изменениями и дополнениями: от 8 сентября, 11 декабря 2008 г., 7 июля, 27 октября 2014 г., 13 апреля, 27 августа, 14 октября, 2 ноября 2015 г., 1 августа 2016 г., 20 января, 4 мая, 25 декабря 2017 г., 4 апреля 2018 г., 31 октября 2019 г. и др.), содержатся мемориальные (с упоминанием имен) названия разных типов. Среди них годонимы, включающие:

- 1) фамилию: *ул. Афанасьева*;
- 2) имя и фамилию: *ул. Аркадия Гайдара*;
- 3) начальную букву имени и фамилию: *ул. Г. Хирбю*;
- 4) начальные буквы имени, отчества и фамилию: *ул. П.Н. Осипова*;
- 5) наименование звания или профессии и фамилию: *ул. Академика Королева*; *ул. Генерал-полковника Боголюбова*;
- 6) наименование звания или профессии, имя и фамилию: *ул. Академика Святослава Федорова*;

7) наименование звания или профессии, начальные буквы имени, отчества и фамилию: ул. *Музыканта В.А. Галкина*;

8) наименование звания или профессии, фамилию и начальные буквы имени, отчества: ул. *Космонавта Николаева А.Г.*;

10) наименование звания или профессии, их уточнение, начальные буквы имени, отчества и фамилию: ул. *Академика РАН Х.М. Миначева* и т.д.

Номинация улиц, площадей и объектов городской среды нередко производится с нарушением основных требований и правил:

— традиции написания элементов улично-дорожной сети (в именных названиях предпочтителен вариант расположения инициалов перед фамилией; общеизвестные инициалы принято опускать; в случае необходимости принято указывать имя полностью или в виде заглавной буквы, без отчества);

— Положения о порядке присвоения наименований и переименования улиц, площадей и объектов городского хозяйства г. Чебоксары, утвержденного 25 ноября 2003 г., в пункте 3.3.1 которого, в частности, отмечено: «Наименование, присваиваемое улице, площади и объекту городского хозяйства, должно состоять не более чем из трех слов».

В официально утвержденном реестре названий улиц и площадей г. Чебоксары встречались и орфографические ошибки (например, *улица Анаткасс*). При переводе на чувашский язык, устранив простые и очевидные нарушения, мы попытались привести наименования в единую систему. К примеру, выбрав в качестве образца названия *бульвар Олега Волкова*, *бульвар Мефодия Денисова*, годоним бульвар А. Миттова мы перевели не *А. Миттов бульварё*, а *Анатолий Миттов бульварё*. Таким же образом многокомпонентные названия *улица Академика РАН Х.М. Миначева*, *улица Академика Святослава Федорова* и *улица Академика В.Н. Челомея*, в соответствии с вышеуказанным Положением и логикой были переведены *Миначев Академик урамё*, *Святослав Федоров урамё*, *Челомей Академик урамё*. Следует заметить: С.Н. Федоров, многогранная личность, выдающийся офтальмолог, известен в нашей стране и за рубежом не только и не столько академическим статусом (академик РАМН). Поэтому компонент «академик» в названии улицы нам представляется излишним.

Предлагаемые нами чувашские названия отвечают существующим нормам языка и требованиям Положения о порядке присвоения наименований и переименования улиц, площадей и объектов городского хозяйства г. Чебоксары от 25 ноября 2003 г., указывающего, что наименование улицы, площади и объекта городского хозяйства должно включать не более трех слов.

площадь И.Ф. Скворцова — *И. Скворцов тўремё*

бульвар А. Миттова — *А. Миттов бульварё*

проспект И.Я. Яковлева — *И. Яковлев проспекчё*

улица Академика А.Н. Крылова — *Крылов Академик урамё*

улица Академика РАН Х.М. Миначева — *Миначев Академик урамё*

улица Академика Святослава Федорова — *Святослав Федоров урамё*

улица Академика В.Н. Челомея — *Челомей Академик урамё*

улица А.В. Асламаса — *А. Асламас урамё*

улица Аркадия Гайдара — *Аркадий Гайдар урамё*

улица Николая Гастелло — *Николай Гастелло урамё*

улица П.В. Дементьева — *П. Дементьев урамё*

улица Композитора А.М. Токарева — *Токарев Композитор урамё*

улица Б.С. Маркова — *Б. Марков урамё*

улица Музыканта В.А. Галкина — *Галкин Музыкант урамё*

улица Космонавта Николаева А.Г. — *Николаев Космонавт урамё*

улица Ф.Н. Орлова — *Ф. Орлов урамё*

улица П.Н. Осипова — *П. Осипов урамё*

улица Поэта Г.А. Ефимова — *Ефимов Поэт урамё*

улица Профессора И.А. Андреева — *Андреев Профессор урамё*

улица М.А. Сапожникова — *М. Сапожников урамё*

улица Спортсмена Валериана Соколова — *Соколов Спортсмен урамё*

улица И.С. Тукташа — *И. Тукташ урамё*

улица Г. Хирбю — *Г. Хирнў урамё*

улица Э.М. Юрьева — *Э. Юрьев урамё*

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Большое количество всевозможных ономаσιологических вариантов (слов, форм, конструкций) свидетельствует о том, что прежняя норма уже не отвечает современным тенденциям в употреблении языка, а новая еще не сложилась. Расширение вариатности является не только показателем происходящих в языке процессов, но и отражением социальных и психологических особенностей нашего времени: возможности для проявления личностного начала в речевой интерпретации действительности, гетерогенности общества, стремления возродить культурно-языковое наследие народа и т. д.

Процесс закрепления нового обозначения и вытеснения устаревшего испытывает сопротивление и прежнего менталитета, и консервативной языковой нормы, поэтому сосуществование инновационного и традиционного вариантов на определенном этапе неизбежно.

Строго говоря, варианты оправданны только в том случае, если обогащают нашу речь, вносят в нее новые смысловые или стилистические оттенки. Однако поспешное изгнание нефункциональных вариантов из системы нанесло бы языку еще больший вред. Нужно учесть: жесткие регламентации мешают проявлению потенциальных возможностей языка, творческого отношения к нему.

В чувашском языке в последние годы наметилось стремление к семантическому и стилистическому размежеванию вариантных средств, противостоящее тенденции к вариативности. При правильной реализации языковой политики и соответствующем применении нормализаторских усилий предстоящие годы могут стать периодом организации и самоорганизации языковой системы, оптимизации языка и речи, дифференциации вероятностей, уменьшения неупорядоченности.

Стихийному процессу словотворчества и проявлениям нигилизма по отношению к законам языка противостоит более или менее планомерная деятельность по созданию и унификации номенклатурных названий, формированию терминологических микро- и макросистем. Если развитие языка будет происходить в желаемом русле, коммуникативно необходимые новообразования со временем выйдут за рамки индиви-

дуальной речи их создателей, будут освоены коллективным сознанием.

Бесспорно, не всякое новшество заслуживает одобрения и нормативного признания: наряду с перспективными новациями нередко появляются неуклюжие дериваты, противоречащие закономерностям чувашского языка — созданные с отступлением от лексических норм или не укладывающиеся в рамки конкретной словообразовательной модели. В данных условиях лингвисты, естественно, обязаны уважать и беречь языковые традиции, но в то же время не должны допускать огульного, не основанного на объективных критериях осуждения необычных речевых новшеств. Нормативная оценка, осознанное упорядочивание языковых новшеств и вариантов должны опираться не на субъективное восприятие, а на результаты естественного отбора. Вспомним слова Александра Сергеевича Пушкина: «Истинный вкус состоит не в безотчетном отвержении такого-то слова, такого-то оборота, но в чувстве соразмерности и соразности».

ЛИТЕРАТУРА И ПРИМЕЧАНИЯ

- ¹ Подробнее см.: *Дегтярёв Г.А.* Ёмёрсен чиккинчи чăваш чĕлхи [=Чувашский язык на рубеже веков]. Шупашкар: ЧПГАИ, 2014. 140 с.
- ² См., например: *Дегтярёв Г.А., Яковлев В.А.* Опыт нормализации биологической терминологии в чувашском языке: на примере орнитологической номенклатуры. Чебоксары: ЧГИГН, 2014. 128 с.
- ³ НА ЧГИГН. Отд. V. Ед. хр. 896. Инв. № 5286.
- ⁴ *Горбачевич К.С.* Русский язык: прошлое, настоящее и будущее. М.: Просвещение, 1984. С. 128.
- ⁵ Коммунизм ялавĕ. 1990. Май, 17; 1991. Июнь, 17.
- ⁶ *Поливанов Е.Д.* Статьи по общему языкознанию: избр. работы / сост. А.А. Леонтьев. М.: Наука, 1968. С. 189.
- ⁷ *Мечковская Н.Б.* Социальная лингвистика: пособие для студентов гуманитар. вузов и учащихся лицеев. 2-е изд., испр. М.: Аспект Пресс, 2000. С. 133.
- ⁸ *Блакар Р.М.* Язык как инструмент социальной власти // Язык и моделирование социального взаимодействия: переводы / сост. В.М. Сергеев и П.Б. Паршин. М.: Прогресс, 1987. С. 106.
- ⁹ Чăваш чĕлхин орфографи словарĕ [= Орфографический словарь чувашского языка] / Чăваш патшалăх гуманитарĕ аслăлаĕсен институтĕ; А.А. Алексеев пухса хатĕрленĕ. Шупашкар: Чăваш кĕн. изд-ви, 2002. С. 383.
- ¹⁰ *Бодуэн де Куртене И.А.* Избранные труды по общему языкознанию: [в 2 т.] / сост. В.П. Григорьев, А.А. Леонтьев. М.: Изд-во АН СССР, 1963. Т. 1. С. 263.
- ¹¹ *Скворцов М.И., Семенов Д.Ф.* Русско-чувашский словарь юридических терминов / [науч. ред. А.И. Ухтияров]. Чебоксары: Чувашия, 2006. 302 с.
- ¹² *Скворцов М.И., Семенов Д.Ф.* Русско-чувашский словарь правовых знаний = Право пĕлĕвĕсен ырасла-чăвашла словарĕ / [науч. ред. А.И. Ухтияров]. Чебоксары: Чуваш. кн. изд-во, 2016. 399 с.
- ¹³ Там же. С. 4.
- ¹⁴ Русско-чувашский словарь / под ред. И.А. Андреева и Н.П. Петрова. М.: Сов. энциклопедия, 1971. 893 с.
- ¹⁵ *Егоров В.Г.* Русско-чувашский словарь. 2-е изд., испр. и доп. Чебоксары: Чувашкнигоиздат, 1972. 496 с.
- ¹⁶ Чувашско-русский словарь / под ред. М.И. Скворцова. М.: Рус. яз., 1982. 712 с.
- ¹⁷ *Ашмарин Н.И.* Чăваш сăмахĕсен кĕнеки = Словарь чувашского языка. Т. 1—17. Казань; Чебоксары, 1928—1950.
- ¹⁸ *Маркиянов Г.А.* Музыка грамотин методики. Шупашкар: Чăваш АССР кĕн. изд-ви, 1962. 36 с.
- ¹⁹ *Максимов С.М.* Музăк сыруне вĕренмелли кĕнеке: пуçламăшпе кĕçĕн, вĕтам школсенче тата педтехникумсенче вĕренмелли пособи. Шупашкар: Чăваш патшалăх изд-ви, 1935. 97 с.
- ²⁰ *Кондратьев М.Г.* «Гора золотая...»: Федор Павлов и его время. Чебоксары: Чуваш. кн. изд-во, 2016. С. 257.
- ²¹ *Павлов Ф.П.* Чăваш мусăкĕ // Чăваш календарĕ. 1923. С. 117—124.
- ²² *Кондратьев М.Г.* Чăваш халăх юрри: кĕвĕ-семĕ уйрăмлăхĕсем // Халăх эткерĕ: упраса аталантарас ыйтусем [Народное наследие: вопросы сохранения и развития] / Чăваш патшалăх гуманитарĕ аслăлаĕсен ин-чĕ. Шупашкар, 1996. С. 13—41; *Милютин В.А.* Чăваш халăх ташшин курăмла тĕсĕсем //

Там же. С. 42—82; *Милотин В.А.* Чувашская народная хореография. Ч. 1: Хороводы. Чебоксары, 2002. 267 с.; Чуваши / отв. ред. В.П. Иванов, А.Д. Коростелев, Е.А. Ягафова; Ин-т этнологии и антропологии им. Н.Н. Миклухо-Маклая РАН; Чуваш. гос. ин-т гуманитар. наук. М.: Наука, 2017. С. 533—544.

²³ *Сакмаров И.А.* Фольклор ансамблён ертүсисене хатёрлесси // Халăх эткерё: упраса аталантарас ййтусем / Чăваш патшалăх гуманитари аслăлăхёсен ин-чĕ. Шупашкар, 1996. С. 117—120; *Нянина Л.Н.* Чувашский танец: методические рекомендации для ведения репетиционных занятий и уроков. Чебоксары: Чуваш. респ. училище культуры, 2004. 44 с.; *Бражник Л.В., Киселева Г.А.* Сольфеджио на основе мелодики чувашских композиторов: учебно-методич. пособие. Чебоксары: Чуваш. гос. ин-т культуры и искусств, 2005. 55 с.; *Дмитриева Н.И., Никитин В.П.* Мир чувашской культуры (Древняя история и духовное наследие этноса): учеб. пособие. Изд. 2-е, доп. Чебоксары: Новое время, 2007. С. 229—240; Тăван литература: вĕренÿпе вулав кĕнеки: 6-мĕш класс валли / Н.Г. Иванова сыраса-пухса хатĕрленĕ. 2-мĕш кăларăм. Шупашкар: Чăваш кĕн. изд-ви, 2020. С. 12—15.

²⁴ *Майр Эрст.* Принципы зоологической систематики / пер. с англ. М.В. Миной. М.: Мир, 1971. 454 с.

²⁵ Международный кодекс зоологической номенклатуры: (принят Международным союзом биологических наук) / пер. с англ. и фр. И.М. Кержнера. 2-е изд., испр. М.: Т-во науч. изд. КМК, 2004. 223 с.

²⁶ Международный кодекс ботанической номенклатуры: (Венский кодекс; принят Семнадцатым международным ботаническим конгрессом) / пер. с англ. Т.В. Егоровой [и др.]. М.; СПб.: Т-во науч. изд. КМК, 2009. 282 с.

²⁷ *Дегтярёв Г.А., Яковлев В.А.* Указ. соч.

²⁸ Там же. С. 31.

²⁹ *Дегтярёв Г.А.* Тематический диалектологический словарь чувашского языка: названия животных и растений / Чуваш. гос. ин-т гуманитар. наук. Чебоксары: Чуваш. кн. изд-во, 2021. С. 24—25.

³⁰ *Игнатъев Н.Г., Яковлев В.А.* Чăваш Ен чĕрчунĕсем: вĕсен кайăксем [= Животный мир Чувашии: птицы]. Шупашкар: Чăваш кĕн. изд-ви, 1997. С. 148; *Дегтярёв Г.А., Яковлев В.А.* Указ. соч. С. 50.

³¹ *Скворцов М.И.* Русско-чувашский словарь: в 2 т. Чебоксары: Чуваш. кн. изд-во, 2012. Т. 1. С. 58; Биологи, географи тата хими терминёсен вырăсла-чăвашла словарь = Русско-чувашский словарь терминов биологии, географии и химии / авт.-сост.: А.В. Дмитриев, Н.В. Вершинина, М.И. Скворцов. Чебоксары: Ин-т образования ЧР, 1996. С. 38.

³² *Егоров В.Г.* Чăвашла-вырăсла словарь = Чувашско-русский словарь. 2-е изд. Чебоксары: Гос. изд-во ЧАССР, 1954. С. 250; Чăвашла-вырăсла словарь = Чувашско-русский словарь / под ред. М.Я. Сироткина. М.: Гос. изд-во иностр. и нац. словарей, 1961. С. 499; Чăвашла-вырăсла словарь = Чувашско-русский словарь / под ред. М.И. Скворцова. М.: Рус. яз., 1982. С. 556; *Скворцов М.И.* Чăвашла-вырăсла словарь = Чувашско-русский словарь: в 2 т. Т. 2: Р—Я / под ред. Г.А. Дегтярёва [и др.]; Чуваш. гос. ин-т гуманитар. наук. Чебоксары: Чуваш. кн. изд-во, 2022. С. 445.

³³ *Ашмарин Н.И.* Чăваш сăмахёсен кĕнеки = Словарь чувашского языка: в 17 т. [Репринт. изд.]. Чебоксары: Руссика; Гос. ком. ЧР по печати, 2000. Т. 17. С. 62.

³⁴ Чăвашла-вырăсла словарь = Чувашско-русский словарь / под ред. М.Я. Сироткина. С. 399; Чăвашла-вырăсла словарь = Чувашско-русский сло-

варь / под ред. М.И. Скворцова. С. 454; *Скворцов М.И.* Чăвашла-вырăсла словарь = Чувашско-русский словарь. С. 243.

³⁵ *Игнатъев Н.Г., Павлов И.П.* Чёрчун ячĕсен чăваш-вырăс-латин словарь = Чувашско-русско-латинский словарь названий животных. Чебоксары: Чуваш. кн. изд-во, 1993. С. 40; *Игнатъев Н.Г., Яковлев В.А.* Указ. соч. С. 54–55; *Дегтярёв Г.А., Яковлев В.А.* Указ. соч. С. 61.

³⁶ *Игнатъев Н.Г., Павлов И.П.* Указ. соч. С. 20.

³⁷ Русско-чувашский словарь / под ред. И.А. Андреева и Н.П. Петрова. М.: Сов. энциклопедия, 1971. С. 177; *Егоров В.Г.* Русско-чувашский словарь. 2-е изд. Чебоксары: Чуваш. кн. изд-во, 1972. С. 99; *Игнатъев Н.Г., Павлов И.П.* Указ. соч. С. 9–10.

³⁸ *Ашмарин Н.И.* Указ. соч. Т. 17. С. 287.

³⁹ См.: *Желтов П.В.* Русско-чувашский словарь по информатике / Чуваш. гос. ун-т им. И.Н. Ульянова. Чебоксары: Изд-во Чуваш. ун-та, 2006. С. 2.

⁴⁰ *Алексеев И.В., Дегтярёв Г.А.* К вопросу о создании компьютерной терминологии на чувашском языке // Чăваш чĕлхи: аваллăхран малашлăха: статьясен пуххи [= Чувашский язык: из глубины веков в будущее]. Шупашкар: ЧПГĀИ, 2007. С. 100–103; *Дегтярёв Г.А.* Компьютерти чăваш чĕлхи: терминологие йĕркелес ыйтусем // Вестник Чебоксарского филиала Московского государственного гуманитарного университета им. М.А. Шолохова. № 6. Чебоксары, 2009. С. 258–267; *Дегтярёв Г.А., Алексеев И.В.* Проблемы компьютеризации чувашского языка // Чувашский язык: вчера, сегодня, завтра: материалы Международного симпозиума. Чебоксары: ЧГИГН, 2010. С. 396–419.

СОДЕРЖАНИЕ

Введение	3
I. Дискурс массмедиа и его влияние на языковую систему в постсоветскую эпоху	4
II. Юридическая терминология	13
III. Терминология музыкального и хореографического искусства	18
IV. Биологическая номенклатура	25
V. Терминология компьютерных технологий	32
VI. Географическая номенклатура	39
Заключение	42
Литература и примечания	44

Чувашский государственный институт гуманитарных наук

Научные доклады
Выпуск 38

ДЕГТЯРЁВ Геннадий Анатольевич

**Чувашский язык в условиях
современного общества:
проблемы витальности,
вариантности и нормативности**

Доклад на научной сессии
Чувашского государственного института
гуманитарных наук по итогам работы
за 2023 год

Редактор *Е.П. Семенова*
Корректор *Н.Г. Герасимова*
Верстка *Э.В. Кирилловой*

Подписано к печати 08.02.2024. Формат 60×84¹/₁₆.
Печать оперативная. Бумага офсетная.
Гарнитура Times. Усл. печ. л. 2,79. Уч.-изд. л. 2,03.
Заказ № 2. Тираж 50 экз.

Отпечатано в РИО БНУ
«Чувашский государственный институт гуманитарных наук»
Министерства образования Чувашской Республики
428015, г. Чебоксары, Московский пр., д. 29, корп. 1